

Виктор Пронин

Из самых лучших побуждений

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин

Из самых лучших побуждений

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Из самых лучших побуждений / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«События, о которых пойдет речь, начались с того, что у участкового инспектора Ильи Николаевича Фартусова на кухне сломался кран. Повертев ручки, постучав по ним отверткой, кусачками, ключами, он убедился в полной своей беспомощности и отправился к слесарю Женьке Дуплову. Фартусову он не нравился. Длинный, разболтанный, вечно покрикивающий, поплеывающий, посвистывающий. К нему на поклон отправлялись как к барину, с подношениями. Женька дары осматривал придирчиво, мог и пожурить: дескать, скупись, бабуля, нехорошо...»

Виктор Пронин

Из самых лучших побуждений

События, о которых пойдет речь, начались с того, что у участкового инспектора Ильи Николаевича Фартусова на кухне сломался кран. Повертев ручки, постучав по ним отверткой, кусачками, ключами, он убедился в полной своей беспомощности и отправился к слесарю Женьке Дуплову. Фартусову он не нравился. Длинный, разболтанный, вечно покрикивающий, поплеывающий, посвистывающий. К нему на поклон отправлялись как к барину, с подношениями. Женька дары осматривал придирчиво, мог и пожуричь: дескать, скупишься, бабуля, нехорошо.

Женька Дуплов обосновался в полуподвале пятиэтажного дома. Произошло это совсем недавно, и Фартусов, придя сюда впервые, присматривался, чувствуя, что ему еще придется здесь побывать. Дверь оказалась обитой железом, возле щели красовалась надпись, сделанная масляной краской: «Для заявок». «Ишь ты! – восхитился Фартусов. – Оказывается, не всегда и примет товарищ Дуплов».

– Не помешал? – Фартусов возник на пороге, улыбаясь широко и доброжелательно. Но то, что он увидел, если и не насторожило его, то озадачило. Хозяин почти лежал в старом кресле, выброшенном кем-то за ненадобностью. Свесив ноги со стола, сидел первый нарушитель спокойствия Жорка Мастаков – черноглазый, со свернутым носом и нечесаными патлами. Его дружок Ванька Жаворонков вертел тиски. Все улыбались, были довольны друг другом, хотя Жорке и Ваньке вместе было примерно столько же лет, сколько одному Дуплову.

Фартусов сразу понял, что все замолчали вовсе не из большого уважения к нему. Перед ним сидели противники. Возможно, они никогда не нарушали законов и никогда их не нарушат, но между ними было какое-то единение, и он, Фартусов, явно был лишним.

В начале своей деятельности Фартусов переживал, чувствуя отторгнутость, искал причины, но потом понял, что подобное отношение – естественное и здоровое. Сама должность делала его носителем чрезвычайных событий. Ведь не приходит участковый инспектор среди ночи с радостными известиями, и для вручения наград людей приглашают вовсе не в отделение милиции, что делать!

– Привет, начальник! – Женька поднялся из ободранного кресла, почтительно протянул руку.

– Вот, краник потек. – Фартусов развернул газетный кулек, в который были ссыпаны винтики, гаечки, прокладки. – Понимаешь, Евгений, в чем дело...

– Все понимаю. Не ты первый, начальник, не ты последний. С такими краниками здесь уж весь дом перебивал. У тебя это гнилье еще долго продержалось. Редко пользуешься, наверно? Все недосуг? Все в бегах?

– Надо, – вздохнул Фартусов. Последние слова Женьки ему не понравились. Было в них что-то нехорошее, снисходительное. А этого Фартусов не терпел.

– Я смотрю, Илюшка, мы с тобой первые люди в нашем микрорайоне! – Женька легонько похлопал Фартусова по плечу, чем вызвал опасливый восторг мальчишек. – Без тебя обходиться не могут, а уж без меня и подавно. Хотя кое-кто, наверно, не прочь твою должность сократить, а? – Дуплов был на голову выше Фартусова, уже начал лысеть, но не придавал значения этому печальному обстоятельству, поскольку было еще что причесывать.

– Не торопитесь, ребята, я ухожу. Не буду вам мешать разговоры разговаривать, – сказал Фартусов, заметив, что мальчишки начали тихонько пробираться к выходу.

– Да какая там беседа! – воскликнул Дуплов. – Забежали ребята на минутку от жары спрятаться, дух перевести – вот и все. С ними побеседуешь, как же! Тюлька недосоленная.

И эти слова не понравились Фартусову. Непонятно, зачем Женке оправдываться? Ясно же, что ребята сидели давно и никуда не собирались уходить.

– Ладно, вместе пойдем, – сказал Фартусов. – Значит, зайдешь, да, Евгений?

– О чем речь!

Выйдя на яркое солнце и привыкнув к свету, Фартусов обнаружил, что рядом стоит только Жорка. Ваньки Жаворонкова нигде не было.

– А где дружок твой?

– Какой дружок? – На участкового смотрели бесстыже-невинные глаза мальчишки.

– Ага, понятно. Присядем? – Фартусов показал на скамейку.

– Вообще-то я тороплюсь... И это... Всякие дела... Может, как-нибудь в другой раз?

– Присядем. – Фартусов положил Жорке руку на плечо, чтобы и он не растворился в слепящем солнечном свете. – Как поживаешь, Георгий? – спросил он, когда Жорка все-таки дал себя уговорить и они расположились на горячей скамейке.

– Как когда... По-разному...

– По-разному – это хорошо. Но слухи ходят, что тебя все как-то в одну сторону заносит.

– Какую сторону?

– Криминальную, Георгий. Как раз по моей специальности. Говорят, в книжном магазине ты того... Открытки... Целую пачку поздравительных открыток... По случаю Восьмого марта... Сколько же тебе женщин поздравить надо было, а, Георгий?

– Наговаривают. – Кривоватый Жоркин нос повело в сторону.

– И это... на чужом балконе тебя видели.

– Кто видел?

– Спросил бы лучше – на каком балконе, на чьем, когда... А ты сразу – кто видел? В таких случаях мои знакомые ребята говорят – расколосся. Видишь, как дом построили, – ловкому человеку ничего не стоит с одного балкона на другой перебраться. Оно бы ничего, но некоторые, представляешь, Георгий, двери из квартиры на балкон оставляют открытыми – жара. Вот простачки, верно? Заходи – не хочу!

– Никуда я не заходил!

– Это хорошо, – одобрил Фартусов. – А то некоторые заходят. Да, а как отец поживает?

– Хворает.

– Лечить надо.

– Да он уж подлечился... Вроде полегчало.

– Ему вообще не мешало бы заняться лечением, как думаешь?

– А! – Жорка раздраженно махнул рукой. – Не берут его. Говорят, недостаточно спился. Вот когда сопьется вконец или пришибет кого – вот тогда, говорят, пожалуйста, милости просим! – Жорка произнес, наверное, самые жесткие слова за всю свою четырнадцатилетнюю жизнь.

– Врет твой папаша как сивый мерин. – Фартусов снял фуражку, подставил лицо солнцу. – Я сам ему направление вручил.

– А он?

– Был я у него на заводе, разговаривал с начальством, в бригаде... Договорились обо всем, они тоже рады бы... Да вот беда, опять он у тебя захворал. С вечера, значит?

– С вечера, – вздохнул Жорка. – С позавчерашнего.

– Это нехорошо. Так нельзя.

– Ну, я с ним поговорю, – пригрозил Жорка, сузив и без того маленькие свои глазки. – Он у меня попляшет.

– Только ты, Георгий, повежливее. Не обижай человека излишними угрозами, обвинениями. Хорошо? А я уж, так и быть, постараюсь еще одно направление выхлопотать. Договорились?

– Надо попробовать, – солидно согласился Жорка.

– Зашел бы ты к нам как-нибудь, а, Георгий? – предложил Фартусов. – В пункт охраны порядка – так называется наше заведение. Другие заходят, а вот ты мимо пробегаешь. Нехорошо.

– А! – засмеялся Жорка. – Еще посадите!

– А есть за что?

– Найдете!

– Понимаешь, Георгий, если по всей строгости, то уже пора присмотреться к тебе... Но вот видишь, дела не завожу, разговоры ведем, планируем операцию по спасению твоего папаши... Напрасно обижаешь. Не заслужил я, честное слово! Ни в чем я перед тобой не провинился.

– А что, я ничего... Вы не так поняли... Я же не про вас лично, а так, вообще...

– Плохо ты к нам относишься. Мы вот теннисный стол завезли, ребята собираются, соревнования проводим... К Женьке заходишь, а к нам – нет.

– А что Женька? Он хороший парень, – заступился Жорка.

– Я и не говорю, что он плохой. Я к тому только, что вот нас вроде презираешь. Обидно.

– Ладно, взгляну, – пообещал Жорка, поднимаясь. – Пойду я... До свидания.

– Будь здоров, Георгий. Только вот что... – Фартусов надел фуражку, и сразу что-то неуловимо изменилось в его облике, он стал официальнее, строже. – Мы поговорили с тобой, так ты того... Помни. Насчет балконов, поздравительных открыток, ладно? В случае, если у меня спросят, я сразу и скажу: так, дескать, и так, проведена с Георгием Мастаковым подробная беседа. О семейных обстоятельствах, о его поведении, о приятелях... Верно?

– Да... А что?

– Хотя мы с тобой на солнышке сидели, ногами болтали, разговор был серьезный. Усек? А когда новые затеи посетят твою ясную голову, – не улыбайся, голова у тебя в самом деле ясная, – ты про себя тихонько и подумай, что живет на белом свете участковый инспектор, который никогда о тебе не забывает. И кое-какие соображения имеет. – Фартусов значительно приложил палец ко лбу: думай, мол, прежде чем чего натворить.

* * *

К вечеру, когда спала жара, Илья Николаевич Фартусов отправился по адресу Ваньки Жаворонкова. Однако мечтал он увидаться не столько с тихим дворовым хулиганом, сколько с его сестрой Валентиной. Проживали они в отдельной квартире, а их родители находились за морями, за долами, за высокими горами – помогали создавать индустрию молодому подающему большие надежды государству. А заодно создавали и семейное благополучие. Валентине еще не было двадцати лет, она где-то училась. Судя по тому, что у нее совершенно не оставалось времени, чтобы перебраться словцом с участковым инспектором, училась чему-то важному.

– Добрый вечер, – сказал Фартусов, увидев на пороге существо, которое давно тревожило его.

– Здравствуйте-здравствуйте, товарищ инспектор, – ответила Валентина. – Чем могу быть полезна?

– Очень многим, – правдиво ответил Фартусов.

– Например?

– О! Только не через порог! Позвольте войти?

– Конечно! Всегда вам рада!

– Приятно слышать. – Фартусов вежливо снял фуражку, прошел в комнату, оглянулся, поджидая хозяйку. А она, задержавшись в прихожей, успела провести расческой по волосам,

неуловимо быстро одернула голубое платье, опробовала улыбку и предстала перед Фартусовым обновленной и готовой к серьезному разговору.

– Присаживайтесь, товарищ инспектор, не стесняйтесь.

– Спасибо. – Фартусов придвинул стул, сел, положил на колени фуражку, осмотрелся. –

Значит, говорите, здесь вы и проживаете?

– Да, вот здесь, значит... Вам нравится?

– Ничего, хорошая квартира. Жить можно.

– Спасибо. Вы очень любезны.

– Я знаю, – сказал Фартусов. – Служба. Мне по службе положено быть любезным. Значит, с братом проживаете?

– Да. Ванька! Покажись!

Дверь во вторую комнату медленно приоткрылась, и из нее выглянула смиренная физиономия Ваньки.

– Здравьсти, – сказал он тихим голосом.

– Добрый вечер, Иван, – ответил Фартусов.

– А теперь, Ванька, исчезни! – приказала Валентина. И Ванька с облегчением нырнул в свою комнату. – Слушаю вас! – Валентина повернулась к Фартусову.

– Зашел вот узнать, проведать... Как, думаю, живется...

– Ничего, не жалуемся. – Валентина откровенно улыбалась беспомощности Фартусова.

– Это хорошо. Жаловаться плохо. А родители ваши, как я понимаю, не скоро вернуться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.